

АРХЕОЛОГИЯ

М.М. Маммаев

ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ САСАНИДСКОГО ИРАНА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ С. КУБАЧИ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX–XX вв.

Высокие художественные традиции сасанидского искусства продолжали бытовать в эпоху зрелого средневековья очень длительное время в искусстве многих стран и после завоевания арабами Ирана в середине VII в. и включения его в состав Арабского халифата.

На длительное сохранение в средневековом искусстве одного из крупнейших художественных центров Дагестана – сел. Кубачи традиций искусства сасанидского Ирана указывали многие исследователи, некоторые из которых несколько преувеличивали роль этих традиций в истории кубачинского искусства.

Побывавший в 1882 г. в с. Кубачи с научной целью известный российский географ, этнолог и археолог академик Д.Н. Анучин (1843–1923), касаясь сюжетов средневековых кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора, отмечал, что «нельзя не видеть в них преобладания восточных мотивов. Львы, леопарды, грифы, змеи, олени, горные козлы, люди, сидящие по-восточному, борцы в длинных кафтанах, воины с луками, в полукафтанах, разнообразные арабески – все это напоминает природу и типы Персии и соседних стран» (*Анучин Д.Н.*, 1884. С. 413).

Известный русский археолог граф А.С. Уваров (1825–1884), посетивший Дагестан накануне пятого археологического съезда в Тифлисе (состоялся в 1881 г.) с целью выяснения обряда подкурганых погребений, исследованных А. Русовым и Н. Цилюсани близ г. Дербента, интересовался вопросами зороастризма у кубачинцев. Для доказательства того, что жители сел. Кубачи в средние века, до проникновения к ним ислама (конец XIII в.), «придерживались маздеизма», он ссылался на находящееся в Кубачи «двухъярусное каменное строение, внутренние и внешние стены которого покрыты обронными (т.е. рельефными. – М.М.) изображениями людей, всадников, хищных зверей, птиц, драконов, змей и пр., ... сделанных под непосредственным влиянием Персии» (*Уваров А.С.*, 1887. С. 72–73).

В 80-х гг. XIX в. с. Кубачи посетил Р.Ф. Эркерт (1830–1900), бывший русский генерал, командир одной из пехотных дивизий на Кавказе. В книге «Кавказ и его народы» (*Erckert R. F.*, 1887. С.193–203), изданной в 1887 г. на немецком языке в Лейпциге, он кратко описывает кубачинские средневековые каменные рельефы, находившиеся тогда в кладке стен старинного, но основательно перестроенного здания, первоначально являвшегося, согласно местному преданию, христианской церковью, впоследствии превращенной в женскую мечеть, а также рельефы, вставленные в стены других зданий: тимпан окна с изображением оленя и декоративной арабской надписью (эпиграфическим орнаментом) в обрамляющем его полукруге (архивольте); рельеф с изображением двух мужских фигур; еще один тимпан окна с рельефным изображением сцены нападения льва на кабана и арабской надписью (эпиграфическим орнаментом) в архивольте; рельефы с изображе-

ниями «стрелка с собакой», «двух львов в коронах на головах». Р.Ф. Эркерт предполагает, что изображения эти персидского происхождения, которые, может быть, отражают время победы в с. Кубачи мусульманства над христианством, упрочившегося после преодоления долгого сопротивления кубачинцев, очевидно, в XV–XVI вв.

Кубачинский литой бронзовый котел XIV–XV вв. так называемого закрытого типа, который хранился среди коллекций Кавказского музея в Тифлисе (ныне – Государственный музей Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа в Тбилиси), был воспроизведен в 1902 г. в атласе «Коллекции Кавказского музея» (Коллекции ..., 1902. С. 198–199. Табл. XIII) с кратким описанием как котел «с рельефными, привинченными к сосуду полуфигурами тигров совершенно сасанидского типа».

В работах профессора Н.Ф. Яковлева, посвященных вопросам ювелирного дела в Дагестане и перспективам его дальнейшего развития, упоминаются обследованные во время научных экспедиций 1923–1924 гг. кубачинские средневековые каменные рельефы с изображениями людей, животных, куфическими надписями и орнаментом, которые были созданы, по его мнению, «под персидским влиянием, ... корнями уходя в сасанидское искусство» (*Яковлев Н.Ф.*, 1926. С. 4.; *Яковлев Н.Ф.*, 1927. С. 132).

Н.Б. Бакланов в работе «Златокузницы Дагестана», посвященной описанию кубачинских металлообрабатывающих производств – бронзового литья, медночеканного искусства, оружейного и ювелирного дела, утверждает, что «художественный облик кубачинского златокузнеца рисуется, главным образом, на фоне персидской культуры, как консерватора персидских традиций, почти утраченных в самой Персии, но бережно, хотя и бессознательно сохраняемых в мусульманском мире Дагестана, в частности Кубачей» (*Бакланов Н.Б.*, 1926. С. 60).

В докладе «Архитектурные сооружения Дагестана», прочитанном Н.Б. Баклановым на III Международном конгрессе по искусству и археологии Ирана в 1935 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге), рассматривая «образцы строительной деятельности горного Дагестана», в том числе и с. Кубачи, изученных им в 1923–1925 гг., он очень кратко касается средневековых кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора эрмитажного собрания, а также рельефов, сохранившихся в Кубачи в кладке стен домов, «часто взятых с более старых построек». «Изображения на этих камнях, – пишет Н.Б. Бакланов, – от очень примитивных, одними чертами дающих геометрические линии или контурные изображения зверей и людей, доходят до горельефной скульптуры, с прекрасно нарисованными и высеченными орнаментами характера иранского средневековья» (*Бакланов Н.Б.*, 1939. С. 23).

И. Бороздин, рассматривая проблемы изучения художественной культуры стран Востока, в 1931 г. писал о том, какой «большой интерес представляют рельефы, обнаруженные в Дагестане и носящие следы древних культурных традиций. Некоторые из них, – отмечает он, – находятся под определенным сасанидским влиянием» (*Бороздин И.*, 1931. С. 16). Говоря о сасанидском влиянии на рельефы, И. Бороздин имел в виду средневековые памятники камнерезного искусства с. Кубачи.

В 1931 г. в Лондоне, в залах Академии художеств в Берлингтонском дворце, была организована крупная выставка (*Кипарисов Ф.В.*, 1931. С. 5–7; *Юзбашиян К.Н.*, 1964. С. 75), приуроченная к II Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. На ней были представлены средневековые кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора из заграничных частных собраний (Д.К. Келекиана, Париж), но экспонировались они не как кубачинские или

дагестанские памятники, а как памятники сасанидского искусства (*Орбели И.А., Тревер К.В.*, 1935. С. XXVI). В каталоге выставки эти рельефы также числятся как «сасанидские рельефы» (*Catalogue...*, 1931. P.57. №85). Западным исследователям казалось, что эти памятники высокого художественного достоинства созданы в Иране в эпоху Сасанидов, а не кубачинскими мастерами, творившими в средневековое время. И.А. Орбели (1887–1961), как члену оргкомитета II Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, стоило больших усилий убедить исследователей в том, что эти каменные рельефы созданы в с. Кубачи спустя многие века после того, как сошла с исторической арены династия Сасанидов.

В работе И.А. Орбели и К.В. Тревер «Сасанидский металл», издание которой было приурочено к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, проходившему в сентябре 1935 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в Государственном Эрмитаже (два заключительных заседания проходили в Москве), «куда съехался цвет мировой иранистики» (*Юзбашиян К.Н.*, 1964. С. 85; *Б.К.*, 1935. С. 141–142), значительное место занимает анализ предметов торевтики, происходящих из Дагестана – с. Кубачи, Гуниб и др. Авторы этой оригинальной работы, вызвавшей после ее выхода из печати широкий резонанс и огромный интерес среди отечественных и зарубежных ориенталистов, указывают на то обстоятельство, что без учета тех изделий художественной обработки металла, которые происходят из Дагестана и составляют лучшую часть эрмитажной коллекции восточной бронзовой торевтики, невозможно в полной мере осветить проблему сасанидского искусства, а также объяснить причины сохранения его стойких традиций в средневековом искусстве многих стран и народов, в том числе в искусстве сел. Кубачи. И.А. Орбели и К.В. Тревер подчеркивают в работе, что «многое из того, что легко может быть воспринято как результат влияния сасанидского искусства на искусство других стран и народов, в действительности является вкладом этих народностей в сокровищницу иранского искусства» (*Орбели И.А., Тревер К.В.*, 1935. С. XXI).

Академик И.А. Орбели в докладе «Проблема сельджукского искусства» (*Орбели И.А.*, 1939. С. 150–155), прочитанном на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в 1935 г., затронул вопрос о кубачинских каменных рельефах, названных им албанскими, «украшавших не сохранившиеся до наших дней дворцы Северной Албании, ныне Южного Дагестана». Он полагает, что рельефы эти «восходят к корням сасанидской эпохи» (*Орбели И.А.*, 1939. С. 153).

В работе «Албанские рельефы и бронзовые котлы» И.А. Орбели отмечает, что кубачинские резные камни и бронзовые котлы дают возможность «глубже вскрыть корни целого ряда художественных явлений» периода средневековья, а также проследить пути и темпы развития искусства XII–XIII вв. Северной Албании, т.е. горного Дагестана, где в силу замедленного хода общественного развития и консервации старых форм домашнего производства длительное время продолжали бытовать сасанидские художественные традиции (*Орбели И.А.*, 1963. С. 348, 359–360).

В более ранней работе «Временная выставка сасанидских древностей» И.А. Орбели кратко описывает кубачинские бронзовые котлы, датируемые им XII–XIII вв., и относит их к произведениям искусства, созданным в период «кристаллизации пережиточных сасанидских форм» (*Орбели И.А.*, 1922. С. 14).

До выхода из печати работ И.А. Орбели «Временная выставка сасанидских древностей», «Албанские рельефы и бронзовые котлы» кубачинские бронзовые котлы оставались совершенно неизученными. Даже «в определении времени из-

готовления котлов при их первом появлении в русских частных собраниях специалисты разошлись во мнениях на добрую тысячу лет: одни – признавая эти предметы котлами «сасанидского типа», другие – желая видеть в них кубачинские изделия XIX века» (*Орбели И.А.*, 1963. С. 350).

Описывая бронзовый зооморфный сосуд-водолей 603 г. хиджры/1206 г. в виде коровы-зебу и касаясь вопроса сохранения древних форм в произведениях искусства эпохи средневековья, М.М. Дьяконов замечает, что «дагестанские каменные рельефы (XIII столетия) дают ряд форм, поразительно родственных предметам из сасанидского Ирана» (*Дьяконов М.М.*, 1939. С. 51).

Вопросы, касающиеся средневековых памятников искусства и архитектуры с. Кубачи, затрагивает и видный этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг (1892–1953) в работе «Кубачи» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 9–10). Он пишет, что «средний квартал, как более древняя часть поселения, является главным источником местонахождения в стенах домов старинных, местного происхождения резных камней... с орнаментом и резными изображениями людей, птиц, лошадей, львов и т.д.» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 9). Далее он отмечает, что резные камни Кубачей имеют следы пережитков сасанидского искусства» (*Шиллинг Е.М.*, 1937. С. 9–10).

Искусствовед Э.В. Кильчевская, рассматривая кубачинский каменный рельеф XIV в. из собрания Государственного Эрмитажа со сценой поединка на турнире двух конных всадников, пишет, что на нем «мы видим почти полное повторение традиционного решения сцен конных поединков в искусстве Сасанидов. Словно кубачинский ваятель, насмотревшись столь удивительных для того времени, впечатляющих рельефов Накш-и Рустама, решил воспроизвести их у себя на родине» (*Кильчевская Э. В.*, 1968. С. 73).

В другом месте она заключает: «Таким образом, сопоставляя эти ранние средневековые рельефы кубачинцев с конкретными памятниками монументальной пластики Сасанидов, можно прийти к выводу, что кубачинские мастера видели не только их серебряные и бронзовые блюда, но и наскальные рельефы древнего Фарса, и, в частности, Накш-и Рустама» (*Кильчевская Э. В.*, 1968. С. 75).

Отметим сразу, что для подобных выводов нет достаточных оснований, так как сюжеты сасанидских скальных рельефов и средневековых кубачинских резных камней различаются не только иконографически, хотя отдельные детали их имеют близкие трактовки, но и семантически. Чисто внешние и случайные совпадения без всестороннего учета иконографических особенностей сопоставляемых сюжетов с присущим им образным строем и без учета их семантики не могут служить достоверной аналогией. Известный исследователь искусства Древней Руси Г.К. Вагнер справедливо подчеркивал, что «если при анализе тех или иных мотивов обнаружится, что при кажущемся сходстве иконографии они образно не совпадают, что их иконографические элементы находятся в разной смысловой связи, то вопрос об аналогии отпадает» (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 50).

Если на кубачинском каменном рельефе эрмитажного собрания воспроизведена обычная сцена состязания всадников, которые реально бытовали в Кубачи в эпоху средневековья, в XIV в., то на раннесасанидских скальных рельефах III–IV вв. н.э. изображены портреты шахиншахов и сцены инвеституры, боя, триумфа, охоты (*Луконин В.Г.*, 1969. С. 185–187), которые должны были служить возведению царской династии Сасанидов, пропаганде могущества иранского централизованного государства.

И.А. Орбели, касаясь вопроса иранских элементов в искусстве других народов, отмечал: «Едва ли нужно доказывать, что такими проводниками различных черт сасанидского искусства должны были быть не столько прикованные к месту, к родной почве, монументальные рельефы, сколько произведения прикладного искусства..., та золотая, серебряная и бронзовая утварь, которая производилась в мастерских средневековой Персии и культурно объединенных с нею стран и различными путями проникала в далекие от Ирана местности культурного мира, причем естественно, что дальше всех пролагали путь себе, а с собою и иранским формам, орнаменту и технике, наиболее художественные и материально ценные предметы...» (*Орбели И.А.*, 1963. С. 279–280).

В книге английского исследователя Д.Т. Райса «Исламское искусство» (*Rice D.T.*, 1977. P.54–57. Fig.48) кратко рассматриваются средневековые кубачинские бронзовые котлы и каменные рельефы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в зарубежных музеях. Автор отмечает сохранение в декоре этих памятников древних черт, восходящих к сасанидским традициям. В книге воспроизведен кубачинский бронзовый котел закрытого типа, украшенный изображениями геральдических львов (на горизонтальных бортиках), а также птиц, всадников и растительного орнамента (на тулове) и хранящийся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Котел датирован XII веком.

Если выводы ряда перечисленных выше исследователей – И.А. Орбели, К.В. Тревер, Е.М. Шиллинга и других относительно художественных традиций сасанидского Ирана в средневековом искусстве с. Кубачи строились на анализе произведений искусства, то мнения других – Д.Н. Анучина, А.С. Уварова, Н.Ф. Яковлева и др. основывались не столько на анализе конкретных произведений искусства, сколько на интуиции, полагая, что кубачинские каменные рельефы и бронзовые котлы высокого художественного достоинства должны быть изготовлены под влиянием искусства Ирана – страны, создавшей великолепные памятники архитектуры, непревзойденные образцы прикладного искусства: ткани, драгоценные геммы, изделия из золота, серебра и бронзы, полихромную керамику, роскошные ковры и т.д. (*Масленицына С.П.*, 1975. С. 8).

Некоторые исследователи считали кубачинцев даже выходцами из Ирана, вероятно, из-за высокого уровня развития их искусства и исходя из того, что до проникновения и утверждения ислама в сел. Кубачи, по данным восточных авторов Абу-Хамида ал-Гарнати (XII в.), Закарийа ал-Казвини (XIII в.), Абд ар-Рашида ал-Бакуви (вторая пол. XIV – нач. XV в.), была распространена зороастрийская религия (*Маммаев М.М.*, 2005. С. 103–128). Так, выдающийся востоковед академик В.В. Бартольд (1869–1930), касаясь сообщений ал-Гарнати и ал-Казвини о зороастрийском погребальном обряде зирихгеранов, отмечал, что «народ зирихгеран может быть иранского происхождения..., потомками которых считают кубачей (т.е. кубачинцев. – М.М.), живущих в южной части Дагестана, в Дербентском уезде» (*Бартольд В.В.*, 1966. С. 120).

Рассмотренные выше мнения исследователей отражают состояние изученности вопроса о художественных традициях сасанидского Ирана в средневековом искусстве с. Кубачи. Специальное и глубокое изучение связей средневекового искусства Дагестана с искусством Ирана позволит более полно и верно осветить этот вопрос.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анучин Д.Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года // ИРГО. Т. XX. Вып. IV. СПб.
- Бакланов Н.Б.*, 1926. Златокузнецы Дагестана. М.
- Бакланов Н.Б.*, 1939. Архитектурные сооружения Дагестана // III МКИИА. М.;Л.
- Бартольд В.В.*, 1966. Еще о самаркандских оссуариях // Соч. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М.
- Бороздин И.*, 1931. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. Сб. статей. М.;Л.
- Б.К.* [Указаны лишь инициалы], 1935. Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии // СЭ. № 6.
- Вагнер Г.К.*, 1969. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. XII век. М.
- Дьяконов М.М.*, 1939. Бронзовый водолей 1206 г. н.э. // III МКИИА. М.;Л.
- Кильчевская Э.В.*, 1968. От изобразительности к орнаменту. М.
- Кипарисов Ф.В.*, 1931. Международная выставка по персидскому искусству в Лондоне // Сообщения ГАИМК. № 6.
- Кипарисов Ф.В.*, 1931. СССР на Международной выставке персидского искусства в Лондоне // Советский музей. № 3.
- Коллекции Кавказского музея. Археология. Т. V. 1902. Тифлис.
- Луконин В.Г.*, 1969. Культура сасанидского Ирана. М.
- Маммаев М.М.*, 2005. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала.
- Масленицына С.П.*, 1975. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.
- Орбели И.А.*, 1922. Временная выставка сасанидских древностей. Петербург.
- Орбели И.А.*, 1939. Проблема сельджукского искусства // III МКИИА. М.;Л.
- Орбели И.А.*, 1963. Сасанидское искусство // Избранные труды. Ереван.
- Орбели И.А.*, 1963. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван.
- Орбели И.А., Тревер К.В.*, 1935. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М., Л.
- Уваров А.С.*, 1887. Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды пятого археологического съезда в Тифлисе. М.
- Шиллинг Е.М.*, 1937. Кубачи. Пятигорск.
- Юзбашян К.Н.*, 1964. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М.
- Яковлев Н.Ф.*, 1926. Кубачинская ювелирная кустарно-художественная промышленность. Махачкала.
- Яковлев Н.Ф.*, 1927. Ювелирная кустарно-художественная промышленность в сел. Кубачи (к вопросу о ее возрождении) // ДС. Вып. III. Махачкала.
- Catalogue of the International Exhibition of persian Art., 1931. London.
- Erckert R.F.*, 1887. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig. Перевод этой работы на русский яз. см.: Эркерт Р.Ф. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1887. Перев. с немец. Э. Дупенко // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 351. О кубачинских каменных рельефах – с. 118–122.
- Rice D.T.*, 1977. Islamic Art. London.